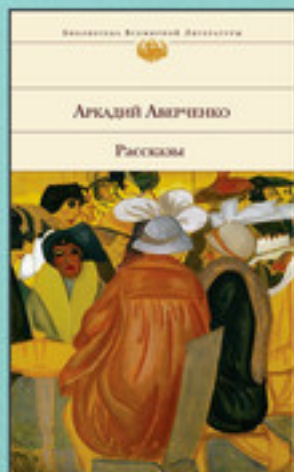

Аркадий Аверченко

Записки простодушного

*Часть сборника
Рассказы*

Аркадий Аверченко

Записки простодушного

«Public Domain»

Аверченко А. Т.

Записки простодушного / А. Т. Аверченко — «Public Domain»,

«— Ехать так ехать, — добродушно сказал попугай, которого кошка вытащила из клетки. ...»

Содержание

Предисловие простодушного (как я уехал)	5
Первый день в Константинополе	7
Галантная жизнь Константинополя	9
Деловая жизнь	11
Русские женщины в Константинополе	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Аркадий Аверченко

Записки простодушного

Предисловие простодушного (как я уехал)

– Ехать так ехать, – добродушно сказал попугай, которого кошка вытащила из клетки.

Осенью 1920 года мне пришлось наблюдать в Севастополе редкое климатическое явление...

Именно, когда уже наступили прохладные дни, обещавшие с каждой неделей делаться все прохладнее и прохладнее, пока вся эта вереница суток по исконным правилам календарей не закончилась бы зимой, в эти осенние дни ко мне пришел знакомый генерал и сказал:

– Вам нужно отсюда уезжать...

– Да мне и тут хорошо, что вы!

– Именно вам-то и нельзя оставаться. Скоро здесь будет так жарко, что не выдержите...

– Жарко?! Но ведь уже осень, – чрезвычайно удивился я.

– Вот-вот. А цыплят по осени считают. Смотрите, причтут и вас в общий котел... Говорю вам – очень жарко будет!

– Я всегда знал, что климатические условия в Крыму чрезвычайно колеблющиеся, но, однако, не до такой степени, чтобы в октябре бояться солнечного удара?!

– А кто вам сказал, что удар будет «солнечный»? – тонко прищурился генерал.

– Однако...

– Уезжайте! – сухо и твердо отрубил генерал. – Завтра же рано утром чтобы вы были на борту парохода!

В голосе его было что-то такое, от чего я поежился и только заметил:

– Надеюсь, вы мой пароход подадите к Графской пристани? Мне оттуда удобнее.

– И в Южной бухте хороши будете.

– Лстец, – засмеялся я, кокетливо ударив его по плечу булкой, только что купленной мною за три тысячи... – Хотите кусочек?

– Э, не до кусочков теперь. Лучше в дорогу сохраните.

– А куда вы меня повезете?

– В Константинополь.

Я поморщился.

– Гм... Я, признаться, давно мечтал об Испании...

– Ну вот и будете мечтать в Константинополе об Испании.

В тот же день я был на пароходе, куда меня приняли с распростертыми объятиями. Это действительно правда, а не гипербола, насчет объятий-то, потому что, когда я, влезши на пароход, сослепу покатился в угольный трюм, меня внизу поймали чьи-то растопыренные руки.

На пароходе я устроился хорошо (в трюме на угольных мешках); потребовал к себе капитана (он не пришел); сделал некоторые распоряжения относительно хода корабля (подозреваю, что они не были исполнены в полной мере) и, наконец, распорядился уснуть.

Последнее распоряжение было исполнено аккуратнее всего...

Путешествие было непродолжительное, но когда мы подошли к Константинополю, то меня ни за что не хотели спускать на берег.

Я сначала думал, что команда и капитан так полюбили меня, что одна мысль расстаться с таким приятным человеком была им мучительна, но на самом деле случилось наоборот: не

пускала на берег союзная полиция, а команда не прочь была бы даже выкинуть нас всех за борт, только чтоб развязаться с беспокойным непоседливым грузом.

Не желая быть в тягость – ни команде, ни полиции, – я ночью потихоньку перелез на стоявший подле русский пароход-угольщик, где старые морские волки приняли меня как родного...

Милые вы люди! Если вы сейчас где-нибудь в плавании по бурному океану – пусть над вами ярко и ласково сияет солнце, а под килем нежная морская волна пусть нежит вас, как колыбель, – крепко желаю вам этого!

* * *

Приступая к «запискам», я прежде всего хочу сказать несколько теплых слов – в защиту одного господина...

Того самого, который, по утверждению старинной русской легенды, прегорько рыдал на свадьбе и весело плясал на похоронах.

Этого господина легенда окрестила ярким исчерпывающим именем:

– Дурак.

Да полно! Так ли это! Не произошло ли в данном случае жестокой исторической несправедливости? Дурак!.. Не наоборот ли? Не мудрец ли этот русский, проникший светлым умом в самые глубинные тайны русского бытия.

Человек горько плачет на свадьбе... Да ведь он прав! Ему, конечно, жалко эту безумную пару, бросающуюся, очертя голову, рука об руку в пучину, из которой и одному-то не выбраться!

Человек веселится на чужих похоронах... Да ведь и тут он тысячу раз прав, этот мудрец, тихо радующийся, что вот, дескать, хоть один человек, наконец, устроился как следует: не нужно ему ни пайка, ни визы, ни перескакивания с одного берега на другой.

Пора, пора – давно пора – пересмотреть наше отношение к дураку. Он мудрец. Может быть, раньше это было трудно понять, но теперь, когда вся Россия вывернулась наизнанку и сидит на чемоданах и узлах, мы многое должны пересмотреть и переоценить.

Впрочем, если быть искренним, то за «бывшего» дурака, а ныне мудреца я распинаюсь не без тайной цели: попутно я хочу оправдать и себя, потому что отныне я тоже решил «улыбаться на похоронах»...

Первый день в Константинополе

...Я забрал с парохода свои вещи, сел в лодку и поехал к Галатскому берегу.

И едва лодка клюнула носом каменную плиту пристани, и едва в лодку свалился живой клубок разнокалиберных тел – я понял, что меня здесь знают. Потому что так орать и спорить из-за сомнительной чести тащить мои чемоданы могут только люди, искренно чтущие любимого писателя.

Эти восточные поклонники быстро расхватили мои вещи – и мы понеслись в голубую неизвестную даль, короче говоря, на Перу, а еще короче говоря, в ту маленькую комнату, которую мне наняли заранее.

На Пере среди грохота и гвалта меня остановила какая-то божья старушка – столь же уместная тут, как цветочек незабудки в пасти аллигатора.

– Что вам, бабушка?

– Голубчик мой, а где ж тут турки?

– Которые?

– Да ведь это, чай, Турция.

– Чай, она.

– А чего ж турка ни одного нет?

Чтобы успокоить эту мятущуюся душу, я ткнул пальцем в какого-то господина в феске, свирепо пожиравшего слоеную дрянь с лотка.

Это был единственный турок на горизонте.

– Вот этот? Вы чего ж, батюшка, в германскую войну давеча втемяшились?

Турок пожал плечами и отвечал:

– Эх, тетя! Нешто не признали? Вместе на «Сиаме» из Севастополя ноги уносили...

И обернулся к продавцу:

– Комбьен сетт гато?

– Бешь груш.

– Олл райт. А риведерчи, тетушка¹.

Как во время настоящего приличного столпотворения все говорили на всех языках.

Однако больше всего ухо улавливало французский язык. Говорили на нем беженцы так, что даже издали слышался густой запах нафталина, как от шубы, которая долго лежала в сундуке без употребления и которую наконец-таки извлекли на свет божий и стали перетряхивать.

Около ресторана Сарматова я слышал такой диалог.

Господин сделал испуганное лицо и, подбирая французские слова с таким страхом, с каким неопытная барышня впервые заряжает револьвер, спросил прохожего:

– Комм же пуве алле дан л'амбассад рюсс?

Спрошенный ответил:

– Тут-де сюит. Вуз алле ту а гош, а гош, апре анкор гош, е еси² будут... гм... черт его знает, забыл, как по-ихнему железные ворота?

– Же компран³, – кивнул головой первый. – Я понимаю, что такое железные ворота. Ла порт де фер.

¹ От *фр.*: Combien cette gateau? (Сколько стоит это пирожное?), турецк.: bes (пять), англ.: All right (хорошо), итал.: arrivederci (до свидания).

² Как я могу пройти к русскому посольству? (*фр.* Comme je pouvais aller dans l'ambassade russe?) – Сейчас. Идите все время налево, налево, потом еще налево и здесь... (*фр.* Tout de suite. Vous aller tout a gauche, a gauche. Après encore gauche, et ici...).

³ Я понимаю (*фр.* Je comprend).

– Ну вот и бьен⁴. Идите все а гош – прямо и наткнетесь.

* * *

В этот вечер я заснул рано, а проснулся еще раньше: ужасный, нечеловеческий вопль прорезал утренний воздух под самым моим окном.

Мой компаньон по комнате вскочил с кровати и поглядел на меня диким взглядом:

– Понимаете, что это значит? Кемалисты вошли в город.

– Н-да, въехали мы в историю, – пробормотал я. – Из огня да в полымя. Однако пойдем на улицу. Вы не боитесь?

– Ну вот, не видал я этих резнев. Чего там бояться. Русские, чай.

А крики, вопли, стоны и мольбы о помощи все неслись и неслись с улицы. Чувствовалось, что там, за стеной, растут целые гекатомбы свеженарезанных тел, обильно орошенных кровью.

Мы не могли больше... Мы выбежали на улицу.

Молодой грек стоял около корзиночки, на дне которой терялось полдюжину полудохлой скумбрии, и, разинув рот, ревел во все горло...

Мы остоленели.

– Слушайте, а ведь это он кричит.

– Но ведь его не режут.

– А надо бы. Не кричи, каналья.

– Товар продает. Известно, трудно им.

– Однако послушайте... Если, продавая только полдюжину дохлой скумбрии, он так орет, какие же он издаст звуки, если ему поручить продать шестизэтажный дом?

Рев, крики, стоны и вопли неслись уже со всех сторон.

Зверь встал на задние лапы, потянулся и, широко раскрыв огромную пасть, оглушительно заревел: зверь хотел кушать.

⁴ Хорошо (фр. bien).

Галантная жизнь Константинополя

Шел я недавно по той улице, на которой живу, – вдруг мое праздное внимание привлёк один большой ярко освещенный дом. Изнутри доносилась странная, чисто восточная музыка и слышался топот чьих-то танцующих ног. В окнах мелькало много женских теней.

– Э! – сказал я сам себе. – Это, наверное, гарем какого-нибудь константинопольского вельможи! Очевидно, он справляет день рождения и захотел повеселить бедных гаремных затворниц! Вот они где – чарующие тайны загадочного Востока!

Не успел я этого подумать, как из дверей выпорхнула очаровательная женская фигурка и, схватив меня за рукав, ясно показала, что ей хочется втащить меня внутрь таинственного дома.

Надо сознаться, что я славлюсь своей скромностью по всему Анатолийскому побережью, но надо также сознаться, что в тот момент пикантное приключение совсем вскружило мне голову.

Возможность проникнуть в гарем знатного вельможи на секунду очень соблазнила меня, и я даже сделал движение по направлению к дверям, но тут же одумался.

А что дальше?

А что, если паша вдруг неожиданно поймает меня в гареме? Я человек храбрый – и не за себя я боялся!.. Нет, я боялся за жизнь этого кроткого, застенчивого, полудикого создания, которое так доверчиво тащило меня за рукав, очевидно, чрезвычайно очарованное моей респектабельностью и манерами. Я боялся, что не взойдет и два раза луна на небе, как эта женщина будет лежать в мешке на дне Босфора. Мой коллега Пьер Лоти неоднократно писал о таких штуках.

Эти соображения охладили меня. Я освободил свой рукав, сделал селям бедной затворнице и быстро удалился, давая дорогу четырем английским матросам – очевидно, близким друзьям паши, потому что они вошли в дом без доклада, как близкие люди.

На другой день утром – о, слабость человеческая! – я решил похвастать перед друзьями своим головокружительным успехом у турецкой дамы и рассказал все приключение, не утаив ни капельки...

Мне случалось видеть, как смеются люди, я сам люблю иногда хихикнуть в подходящем случае – но это был не смех! Это было сокрушительное ржание обезумевших жеребцов.

– Не понимаю, что здесь смешного, – пожал я плечами. – Конечно, одни мужчины имеют больший успех у женщин, другие – меньший, но...

– Знаете, что это за дом? – спросил один приятель, отдышавшись.

И шепнул на ухо словцо, которое заставило вспыхнуть меня до корней волос.

– Быть не может! – воскликнул я в ужасе. – Ведь на этой же улице находится моя квартира!!

– Ну что ж такое. Подобное соседство здесь бывает зачастую.

– Нет! Ни одного дня моя нога не останется в этой квартире. Как? Не предупредить меня, когда я снимал комнату? Сейчас же иду и выскажу своей хозяйке все, что я о ней думаю!!

Разгоряченный, я выскочил из кафе на улицу и... тут же – одно веское соображение приковало меня к месту. На каком языке я выскажу хозяйке негодование? Она говорит только по-гречески, а мой запас слов на этом языке был чрезвычайно ограничен: кали-мерос, Венизелос и малиста – вот те три слова, которыми мог я орудовать и которые в самой остроумной комбинации все-таки не могли быть материалом для продолжительной морально-этической беседы.

На мое счастье, я тут же наткнулся на древнюю согбенную гречанку, продавщицу спичек, предлагавшую товар на ломаном русском языке.

– Нет, бабушка, – сказал я. – Мне ваших спичек не надо. Но если вы переведете моей хозяйке все то, что меня обуревает, – я вам заплачу пол-лиры.

Предложение оказалось соблазнительным – и мы через минуту уже шагали рука об руку к моему дому.

– Как по гречески «нога»? – спросил я. Она ответила каким-то бесформенным, клейким, как рахат-лукум, словом.

– Ну вот. Так скажите, что мое это самое у нее в доме не будет!

На звонок нам открыла сама хозяйка.

И вдруг, увидев нас, она подняла такой крик, что, вероятно, слышно было на Пере.

– Что она кричит? – спросил я старушку, которая вдруг сразу расцвела от хозяйкиного рева и даже кокетливо поправила выцветшую косынку на безволосой голове.

– Ма, она говорит, сто вы не моги приводить себе на квартиру даму! Она говорит, сто эта неприлична, сто эта цестный дома, сто нельзя дами водить...

– Какую даму? – остолбенел я. – Я никого не приводил.

– Она эта говорит на меня. Я – дама.

И, польщенная этим диким предположением, она игриво толкнула меня полуразрушенным локтем.

Я сочно выругался, вынул пол-лиры и сунул ей в руку.

– Пошла вон, старая ведьма. Будьте вы обе прокляты.

И тут же заметил на лице хозяйки чувство сожаления ко мне, как к человеку, который заплатил за любовь деньги, не насладившись в то же время радостями этой любви...

Деловая жизнь

Ознакомившись с городом, я решил заняться делами. Узнав, что все деловые люди собираются в специальном кафе на Пере, я пошел туда, потребовал чашку кофе и уселся выжидательно за столик – не наклюнется ли какое дельце.

На ловца, как говорится, и зверь бежит. Ко мне подсел неизвестный господин, потрепал меня по плечу и сказал:

– Здравствуйте, господин писатель. Не узнаете меня?

– Как не узнаю, – с вялой вежливостью возразил я. – Очень даже хорошо узнал. Как поживаете?

– Дела разные ломаю. А вы?

– Я тоже думаю каким-нибудь делом заняться.

– Лиры есть?

– Немножко есть, – хлопнул я себя по карману.

Лицо моего собеседника выразило напряженное внимание.

– Гм!.. Что бы мне для вас придумать?.. Гм!.. Есть у меня одно дельце, да... Впрочем, поделюсь с вами. Скажите! Вы знаете, сколько весит баран?

– Какой баран? – удивился я.

– Обыкновенный. Знаете, сколько он весит?

– А черт его знает. Я до сих пор писал рассказы, а не взвешивал баранов.

– Как же вы не знаете веса барана? – с упреком сказал незнакомец.

– Не приходилось. Впрочем, если нужно, я как-нибудь на днях... когда будет свободное время...

– Ну так вот! Знайте же, что средний баран весит три пуда!!!

Я изобразил на своем лице напряженное удовольствие.

– Смотрите-ка! Кто бы мог подозревать.

– Да, да... Три пуда. А вы знаете, сколько стоит фунт баранины? Пятьдесят пиастров.

– Да... вообще сейчас жизнь очень запуталась... – неопределенно заметил я.

– Ну, для умного человека жизнь проста как палец. Итак, продолжаю. А знаете ли вы, сколько стоит целый баран в Кады-Киое?! Десять лир! Итак – вот вам дело: вы даете двадцать лир и я двадцать лир – я покупаю двух овец, режу их...

– Не надо их резать, – сентиментально попросил я. – Они такие хорошенькие.

– А как же иначе мы их на мясо продадим? Я их сам зарежу, не бойтесь. Итак, на ваши двадцать лир вы будете иметь шесть пудов овечьего мяса, по розничной цене – шестьдесят лир!!! Да шкура в вашу пользу, да рога.

Хотя я до сих пор рогатых овец не встречал, но это была, очевидно, особая местная порода. Я кивнул головой с видом знатока:

– Очень хорошее дельце. А когда прикажете внести деньги?

– Да хоть сейчас! Чем скорее, тем лучше. Сколько тут у вас? Ровно двадцать? Ну вот и спасибо. Завтра утром бараны уже будут у нас. Хотите, я приведу их к вам показать?

Я замялся.

– Не знаю, удобно ли это... Вдруг ни с того ни с сего бараны заходят на квартиру... Да еще моя хозяйка против этих посторонних визитов... Нет, лучше их просто зарежьте. Только не мучайте, хорошо?

Мой новый компаньон заверил, что смерть этих невинных созданий будет совершенно безболезненна и легка, как сон, и, пожав мне руку, умчался с озабоченным лицом.

С тех пор прошло 8 дней. Пока я не вижу ни моего компаньона, ни баранов, ни прибыли. Очевидно, с компаньоном что-нибудь случилось... Иногда по ночам меня мучит совесть: прав

ли я был, поручив этому слабосильному человеку опасную процедуру умерщвления баранов? А что, если они по дороге сбежали от него? А что, если они перед смертью вступили с ним в борьбу и, разъяренные предстоящей участью, растерзали моего бедного компаньона?..

* * *

Вчера со мной произошел удивительный случай. Иду по улице – вдруг вижу: мой компаньон навстречу. Я радостно кинулся к нему.

– Здравствуйте, голубчик! Ну что слышно с баранами?

Он удивленно взглянул на меня:

– Какие бараны? Простите, я вас совершенно не знаю!

– Ка-ак? Да ведь мы же вместе хотели заработать на баранах?

– Простите, я вас в первый раз вижу. Я иногда зарабатываю на баранах, но зарабатываю один.

И, отстранив меня, он пошел дальше.

«Однако какое удивительное сходство, – бормотал я себе под нос, провожая его взглядом. – То же лицо, тот же голос и даже на баранах зарабатывает, как и тот!»

Много тайн хранит в себе чарующий загадочный Восток.

Русские женщины в Константинополе

Я спросил своего приятеля, разбитного малого и доку по здешним делам:

– Слушай... Я все вижу только одну уличную, по-моему, очень неприглядную жизнь...

А где здесь, например, хорошее русское общество?

– А вот зайдем... Здесь есть за углом кабачок. Вот оно и будет хорошее русское общество.

– В кабаке?

– Ну уж и «в кабаке». Нужно, милый мой, выражаться мягче: «в кабачке», «в ресторанчике»... А то, что это за скифское: «кабак».

Мы подошли к каким-то дверям и... с этих пор мой приятель повел себя крайне странно: расцеловался с бравым швейцаром, дружески пожал руку бородавчатому буфетчику за стойкой и, усаживаясь за столик, потер руки с тем непередаваемым значением, когда русский человек собирается хватить рюмку водки с подобающей этому напитку закуской:

– Ну-с... Полбутылочки очищенной, селедочку в горчице и балычка с перчиком.

Я осмотрелся. В одном углу за столиком сидела с кавалером известная всему Петербургу Динка-Танцуй, в другом Манька-Кавардак, в третьем два именитых столичных шулера, битых в свое время так, что выдубленная кожа на их лицах сделалась нежной и гладкой, как атлас.

– Вот это, по-твоему, хорошее русское общество?! – ахнул я.

– Да не это, чудак. Ты на слуг обрати внимание.

Прехорошенькая дама в кокетливом передничке подошла к нам с карточкой.

– Честь имею приветствовать вас, графиня, – изысканно расшаркался приятель. – Позвольте, графиня, представить вам моего друга писателя Простодушного.

– Ну как же, знаю, – милостиво сказала графиня, протягивая очаровательную ручку. – Когда мой муж был товарищем министра, мы часто в сумерки читали вас вслух. Бывало, заеду к Вольфу...

– Катя, – подошла к графине другая дама с крайне озабоченным видом. – Тебя к седьмому номеру просят. Неси им шницель.

– Поспеют с козами на торг! Потом я вас часто видела в Мариинском на премьерах. У нас был абонемент в третьем ряду, а у вас... Зиночка, запиши там, пожалуйста, сорок пиастров за камбалу! Однажды даже около Фелисьена, когда мой автомобиль испортился, вы предоставили любезно свой эки... Маруся, смотри, твой гость, кажется, уходит, не заплативши!.. Вот жулье! Да, позвольте! Ведь вы даже танцевали со мной однажды на балу в итальянском посольстве... Пошли ты хозяина к черту, Зинка! Как я пойду в кабинет, когда там все пьяные, как зюзя! Пусть сам принимает заказ! Вы не знакомы? Зинаида Николаевна, баронесса фон Толь. Присаживайся, Зинка. Верите ли, господа, так редко теперь настоящих культурных людей. Иногда только с нашим швейцаром перекинешься словом...

– Почему... со швейцаром... – растерялся я.

– Он бывший профессор Бестужевских курсов.

– Может, и человек у вешалки бывший полковник? – пошутил я.

– Нет, что вы! Генерал. У нас только один буфетчик из разночинцев: бывший настоятель Покровского собора.

Мы еще посидели с полчаса с графиней и баронессой; выпили графинчик водки, поговорили о последнем романе Боборыкина; съели сосиски с капустой; поспорили о Вагнере; закончили чашкой турецкого кофе и обсуждением последних шагов Антанты.

Целуя на прощанье дамам руки, я спросил:

– А ваш супруг, графиня, тоже здесь?

– То есть где? Да, он в Константинополе, но здесь не бывает.

– Тяжело? – тихо спросил я.

– Нет, здешний хозяин не пускает. Мужьям вообще вход воспрещен. Как гость, конечно, может, но ему, понимаете ли, не до того: газеты на Пере продает.

Когда мы вышли, приятель мой сказал:

– Ну вот и поворачались в обществе.

Встретил около Токатлиана друга своего Филимона Бузыкина. Правду сказать, это была дружба наполовину: только он считал меня своим другом, я же относился к нему с той холодной унылостью, которая всегда является следствием колебания: пожать ли ему руку или дать пинка в живот.

Звали его Филимон Бузыкин – бывший оптовый торговец бычьими шкурами и солеными кишками.

Именовал он себя «ходоком насчет женского пола», но в какие места ходил Филимон Бузыкин за этим священным делом, я не рискнул бы указать печатно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.